

Боснии и Герцеговины), в них нередко авторские пояснения событий. Автор стремится придать событиям внешне исторический колорит, хотя почти полностью отсутствует и национальная, и социальная речевая характеристика отдельных лиц, а «простонародные» выражения, кроме отдельных турцизмов, в прозе Кукулевича едва ли можно найти. Зато чувствительность, культ идиллического уединения, а особенно культ любви и дружбы («*robratimstvo*») являются важными элементами структуры его повестей, хотя и выполняют несколько иную функцию, нежели в повестях европейского и русского сентиментализма. Так, например, дружбой и любовью в упомянутых повестях мотивируются основные сюжетные происшествия, но в то же время все основные сюжетные узлы подчиняются единому заданию — прославлению национального единства южных славян. На страницах произведений «Болгарин» и «Братья» болгары выручают сербов, герцеговинские магометане и боснийские отшельники помогают хорватам, сербы поселяются в Македонии. Все это: и сюжет, и исторические комментарии автора служат идеологии автора, которому национальное единство «иллиров» (южных славян) рисуется в образе некогда существовавшей и в будущем желаемой сентиментальной идиллии. Сентиментализм в прозе Кукулевича является лишь служебным элементом национально-дидактической направленности его рассказов.

Этим объясняется, конечно, и тот факт, что из всех повестей Карамзина Кукулевич, а также и сербские переводчики выбирают именно ту повесть, которая более всех других соответствовала их идейным и художественным требованиям — менее «сентиментальную», а более историко-дидактическую в их понимании, прославляющую «славянский» Новгород, повесть «Марфа Посадница».⁹

Литературное же «окружение», в котором возникает перевод Кукулевича, позволяет, однако, не только предполагать, но и утверждать, что один из зачинателей хорватской прозы знал и другие повести Карамзина и что связь с сентиментализмом во многом определила стиль первых хорватских повестей, предшествовавших так называемой «турецко-гайдуцкой повести», специфической форме хорватской прозы первой половины XIX в., и что карамзинская проза в ряду других произведений сентиментального стиля могла быть одним из «опорных пунктов» (выражение Ю. Н. Тынянова) при их появлении.¹⁰

⁹ В Сербии в 40-х годах опубликованы два перевода «Марфы Посадницы»: «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» (сочинение Карамзина). — «Сербский летопись», 1843, ч. 2, стр. 113—133; ч. 3, стр. 119—144, ч. 4, стр. 97—125; Марфа Посадница, приповесть из старославянской истории, с рус. — «Српске новине», 1846, №№ 1—14, 16—21, 24—25. Другие повести Карамзина в Хорватии и Сербии не переводились, хотя и упоминались в отдельных статьях о русском писателе.

¹⁰ Связь прозы Кукулевича с традицией устного творчества могла быть только декларативной (ср. концовку произведения «Болгарин» с имитацией